

Ю. КАЮРОВ

...От Ульянова к Ленину

На мою долю выпало большое счастье создать в фильме «Шестое июля»¹ образ Ильича. Излишне говорить, насколько ответственна и почетна эта задача.

До этого я имел некоторый опыт работы над образом Ленина: исполнял его роль в художественном фильме «В начале века» и в телевизионном фильме «Сквозь ледяную мглу». Несколько раньше выступал в роли Ленина в спектакле Саратовского театра по пьесе М. Шатрова² «День тишины».

Работа в фильме «Шестое июля» имеет свои особенности. Здесь Ленин предстает перед нами как великий государственный деятель, глава первого в мире Советского правительства, закаленный в революционных боях идейный вождь.

Сценарный материал продиктовал новое отношение к теме...

Мне особенно повезло, что я встретился с таким замечательным художником, как режиссер Юлий Юрьевич Карасик³. Он поставил задачу — отойти от традиционной манеры и попытаться дать художественную трактовку с наших современных позиций. Надо было пойти вглубь постижения образа. В этом была своя трудность, преодоление которой приносило подлинную радость...

...Драматургия документа, пронизывающая сценарий фильма «Шестое июля», определила и принцип нашей работы — следовать правде и только правде факта. И соответственно моя задача в создании образа Ленина состояла прежде всего в том, чтобы не сыграть, а прожить судьбу этого человека в течение двадцати четырех часов — сложнейших по насыщенности событий суток ленинской жизни. И это было тем сложнее и ответственнее, что часы оставались за кадром, а на экране перед зрителями представляли минуты, в которых как бы спрессовались дела, слова и мысли Ильича. Мы искали выражение ленинской мысли, ее биение, ее

пульс, тот нервный и напряженный ритм, когда мысль сталкивается с трудностями, ищет пути их преодоления и находит выход.

Ленин весь как бы проникнут атмосферой надвигающейся катастрофы, он видит и знает врага, стремится все учесть и взвесить, чтобы не ошибиться — ведь ошибка в эти часы равноценна смерти... И я искал, стремился найти способ передать непрерывность движения мысли вождя, добиваясь абсолютной свободы ее выражения, без какой бы то ни было прямолинейности и назидательности.

Мне казалось, что многое в этом поиске может дать точность ленинской паузы, в которой концентрируется круг объектов его внимания. Нужно было найти глаза Ильича, его взгляд — ведь тут они не лукавы, не веселы. Перед нами должен был предстать другой Ленин, несущий в себе в каждое мгновение, каждую секунду архипонимание происходящего. Помните эту фразу, сказанную Свердлову⁴ и Подвойскому⁵: «Что я хочу, чтобы поняли вы и передали товарищам; если мы не сделаем отчаянных усилий для превращения киселя в нечто твердое, мы слетим. Положение из рук вон плохое». И в этой трезвости, в предельно отчетливом понимании обстановки — весь масштаб мышления великого человека, за которым стоят страна, государство, народ!

Когда я вновь обратился в процессе работы к Сочинениям Владимира Ильича, меня поразили строки статьи «Очередные задачи Советской власти»⁶, написанной за два месяца до событий 6 июля: «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнечном сделанной цепи».

«...Найти в каждый момент то особое звено цепи...». Ведь из этого, в сущности, и слагалась каждая минута ленинской жизни в памятный день 6 июля — эти сутки громадной, титанической, нечеловеческой работы, когда столько навалилось на одни плечи. Этот громадный подвиг человека и мыслителя, собранность воли, величайший организаторский талант, умение найти выход из, казалось бы, безнадежного положения и победить — все это я стремился хотя бы в небольшой степени воплотить на экране.

Достоверность стала принципом съемки фильма, и поэтому каждое событие, решение каждой частной задачи должно было строиться через призму всей обстановки в целом. Мне очень хо-

телось раскрыть громадную человечность Владимира Ильича, его подлинно революционный гуманизм.

Моя работа над образом, раз начавшись, уже не может быть никогда законченной, ибо неисчерпаема эта тема, неисчерпаем характер человека, ставшего для меня близким и дорогим.